This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

STANFORD
LIBRARIES

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Зезюлинскій, Н. Ф.
1913
рат

Н. Ѳ. ЗЕЗЮЛИНСКІЙ.

НЕРАВНАЯ БОРЬБА.

Волынскій и Биронъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій 8.
1908.

Digitized by Google

Digitized by Google

Н. Ѳ. ЗЕЗЮЛИНСКІЙ.

НЕРАВНАЯ БОРЬБА.

Волынскій и Биронъ.

По первоисточникамъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Меркушева, Невскій 8.
1908.

Digitized by Google

Digitized by Google

«Волынскій былъ гордъ и дерзостенъ въ своихъ поступкахъ, однако не измѣнникъ, но напротивъ того добрый и усердный патріотъ и ревнитель къ полезнымъ поправленіямъ своего отечества и такую смертную казнь терпѣлъ, бывъ невиненъ».— Екатерина II.

21 декабря 1718 г. изъ Персіи возвратился въ Петербургъ нашъ посланникъ «войскъ конныхъ подполковникъ» Артемій Петровичъ Волынскій. Петръ I радушно принялъ Волынскаго и, внимательно выслушавъ его докладъ по русско-персидскимъ дѣламъ, остался доволенъ поѣздкой Артемія Петровича въ Персію. Радушный пріемъ Волынскаго царемъ сейчасъ же замѣтили министры и наперерывъ стали приглашать Артемія Петровича къ себѣ на «ассамблеи». Отъ министровъ не отставали и разные именитые люди: они также приглашали Волынскаго на свои «ассамблеи».

Волынскій былъ молодъ, холостъ, вѣжливъ, красивъ и уменъ. На роскошныхъ балахъ, такъ любимыхъ Екатериной I, онъ пользовался особымъ вниманіемъ мѣстныхъ дамъ и дѣвицъ. Тѣ и другія удвоили свой интересъ къ нему, когда узнали, что царь произвелъ его въ полковники Астраханскаго губернскаго драгунскаго полка и назначилъ губернаторомъ въ Астрахань. Матерямъ взрослыхъ до-

Digitized by Google

черей хотѣлось породниться съ Волынскимъ, сдѣлавъ его своимъ зятемъ, а любой изъ дѣвицъ было лестно стать полковницей-губернаторшей. Однако самъ Волынскій былъ не совсѣмъ доволенъ своимъ новымъ назначеніемъ... Онъ какъ-то хандрилъ, жалуясь на свою «одинокость и пустоту». Лишившись матери еще въ раннемъ дѣтствѣ и потерявъ отца въ свою бытность въ Турціи, Волынскій дѣйствительно былъ совершенно одинокъ: оба его родные брата Иванъ и Михаилъ умерли еще юношами, а сестеръ у него не было. Веселая и жизнерадостная Екатерина I, такъ любившая танцовать съ Волынскимъ на балахъ, рѣшила разогнать его хандру и заполнить его «одинокость и пустоту»...

17 іюня 1719 г. Волынскій съ разрѣшенія царя уѣхалъ изъ Петербурга въ Москву «для своихъ нуждъ» и жилъ тамъ до осени. Въ это время въ Москвѣ у своего троюроднаго дяди Михаила Григорьевича Нарышкина проживали круглыя сироты дѣвицы Александра и Марья Львовны Нарышкины, двоюродныя сестры Петра I. Изъ Москвы онѣ часто писали Екатеринѣ I о своемъ сиротствѣ и всегда желали ей «отъ Бога здравія». О судьбѣ ихъ родныхъ братьевъ Александра и Ивана царь позаботился, пославъ ихъ обоихъ обучаться морскому дѣлу въ Амстердамъ, откуда они еще въ февралѣ 1710 г. писали ему: «указанному отъ величества вашего мореходному ученью усердно и радѣтельно прилежимъ». Возвратившись на родину, оба Нарышкины поступили на службу во флотъ, причемъ старшаго Александра Львовича царь пожаловалъ въ свои генералъ-адъютанты. Братьямъ Львовичамъ на службѣ жилось сравнительно хо-

Digitized by Google

рошо, но ихъ сестры Львовны подъ опекой сварливой Ульяны Андреевны, жены ихъ дяди Михаила Григорьевича, чувствовали себя совсѣмъ скверно. Тяжелая жизнь этихъ дѣвицъ-сиротъ хорошо была извѣстна Екатеринѣ I, и ей захотѣлось во чтобы то ни стало устроитъ ихъ судьбу. Считая старшую изъ нихъ Александру Львовну вполнѣ подходящею для губернатора Волынскаго парою, царица рѣшила выдать ее замужъ за него, о чемъ и намекнула ему чрезъ генерала Ивана Ивановича Бутурлина. Волынскій съ восторгомъ ухватился за этотъ намекъ и, боясь упустить случай породниться съ царемъ, немедленно по своемъ пріѣздѣ въ Москву сдѣлалъ Александрѣ Львовнѣ предложеніе чрезъ Ульяну Андреевну. «Львовна» не сразу согласилась на это предложеніе: она отговаривалась отсутствіемъ изъ Москвы своихъ родныхъ братьевъ, съ которыми ей хотѣлось бы посовѣтоваться, но потомъ чрезъ тетку Ульяну сказала жениху, что «хоть и имѣетъ къ нему склонность, токмо безъ повелѣнья его царскаго величества и всемилостивѣйшей царицы-государыни не смѣетъ обязаться словомъ, а ежели соизволеніе ихъ величествъ будетъ, то она предается въ волю ихъ, объявляя, что обѣ онѣ—подъ протекціей ихъ величествъ». О такомъ отвѣтѣ своей невѣсты Волынскій немедленно написалъ въ Петербургъ Екатеринѣ I, прося ея содѣйствія къ удачному исходу своего сватовства. Царица, входя въ столь щекотливое положеніе Волынскаго, послала ему въ Москву съ Матвѣемъ Карцевымъ слѣдующее письмо:

«Господинъ полковникъ! Письмо твое чрезъ посланнаго вашего Карцева исправно до насъ до-

Digitized by Google

шло, по которому о намѣренномъ вашемъ дѣлѣ я извѣстна и его царскому величеству о томъ доносила, и ежели склонность со стороны невѣстиной къ тому есть, то мы оное пріемлемъ за благо и даемъ позволеніе, дабы вамъ съ нею при Божіей помощи положить на словѣ, и о томъ я къ ней писала, что ежели она имѣетъ къ тому свое намѣреніе, дабы оное объявила и дала вамъ слово, и что между вами учинится, о томъ къ намъ пишите, и хотя затѣмъ нѣсколько дней лишнихъ на Москвѣ и промѣшкаетесь, о томъ не сомнѣвайся. Въ прочемъ пребываю Екатерина».

Достовѣрно неизвѣстно, почему именно, но невѣста, по словамъ Волынскаго, такъ испугалась письма къ ней Екатерины I, что была готова даже отказаться отъ своего согласія на бракъ съ нимъ, «почитая за великое себѣ безчестіе, ежели ей самой на словѣ положить», и говоря, что «ихъ величества помимо нея самой изволятъ то учинить». Въ минуты этого испуга она 5 октября 1719 г. даже написала царицѣ въ Петербургъ, что о сватовствѣ къ ней Волынскаго доложено ея величеству неправильно, что у нея не было склонности къ браку съ нимъ и т. д. Вмѣстѣ съ невѣстой перепугалась и ея тетка Ульяна Андреевна: она боялась, что царь сошлетъ ее въ монастырь за такое сватовство. Въ искренность испуга Ульяны Нарышкиной Волынскій почти не вѣрилъ и, называя ее въ своихъ письмахъ къ Алексѣю Васильевичу Макарову „дурой и человѣкомъ особливаго нрава и замерзѣлаго обыкновенья», самъ опасался, какъ бы она «не подвигла всю фамилію Нарышкиныхъ вѣчною на него злобою». При этомъ онъ

Digitized by Google

услышалъ, будто и Михаилъ Григорьевичъ Нарышкинъ не сочувствуетъ такому браку своей племянницы. При такомъ положеніи дѣла Волынскій уже хотѣлъ было извиниться предъ невѣстой и ея родственниками за свое сватовство, взять свое слово назадъ и на этомъ покончить дѣло, но слѣдующее письмо царицы, отъ 22 октября, къ его невѣстѣ удержало его отъ такого намѣренія:

«Александра Львовна! Письмо Ваше изъ Москвы, писанное октября отъ 5 дня, мы получили, въ которомъ пишете, что якобы приношеніе намъ было неправое, понеже вашей склонности къ браку не было, и о томъ сокрушаетесь, и тому мы зѣло удивляемся, что вы напрасно, не разсудя, сокрушаетесь, понеже мы писали къ вамъ не повелительно, но токмо единымъ совѣтомъ, что ежели склонность ваша къ тому есть, то положить только на словѣ, а ежели нѣтъ склонности, то какъ хотите, ибо есть присловица, что у всякой невѣсты сто жениховъ и у всякаго жениха сто невѣстъ. И хотя мы за благо разсудили о семъ женихѣ, что оный добръ, однако же отдаемъ о томъ на ваше разсужденіе, а кто вамъ инаково толкуетъ, такихъ не надобно слушать, ибо сами вы уже совершенный разумъ имѣете. Въ прочемъ и пребываемъ въ милости склонная царица Екатерина».

Золотыя слова этого письма Екатерины «кто Вамъ инаково толкуетъ, такихъ не надобно слушать, ибо сами вы уже совершенный разумъ имѣете» указываютъ на то, что по исконному русскому обычаю и въ сватовствѣ Волынскаго дѣло не обошлось безъ сплетенъ, которыми въ то время Москва была такъ богата. Въ этомъ отношеніи особенно

Digitized by Google

усердствовали тѣ дамы и дѣвицы, которыя сами такъ или иначе интересовались Волынскимъ. Убѣдившись, что завидный зять или женихъ ускользаетъ отъ нихъ, эти женщины постарались дать волю своимъ льстивымъ, но и злымъ язычкамъ... Отъ женщинъ не отставали и нѣкоторые мужчины. Извѣстно, что и среди сильной половины рода человѣческаго есть очень много «молвотворовъ», т. е. сплетниковъ. Въ числѣ опасныхъ для Волынскаго «молвотворовъ» былъ и канцлеръ гр. Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, убѣдившійся въ тщетѣ своихъ надеждъ стать тестемъ молодого губернатора... Этотъ графъ, узнавъ, что Волынскій его дочери предпочелъ сироту «Львовну», чуть было не возстановилъ противъ Артемія Петровича чванливаго М. Г. Нарышкина, который очень кичился своимъ положеніемъ комнатнаго стольника при царевнѣ Натальѣ Алексѣевнѣ, родной сестрѣ Петра I. Однако у Волынскаго въ Петербургѣ предъ царемъ и царицей былъ сильный заступникъ кабинетъ-секретарь Алексѣй Васильевичъ Макаровъ. Къ нему въ трудныя минуты своей жизни Артемій Петровичъ всегда и обращался за помощью. Обратился онъ къ Макарову за содѣйствіемъ и по своему сватовству. Такъ 6 ноября 1719 г. онъ писалъ Макарову: «и паки васъ, государя моего, покорно прошу попросить Г. И. Головкина, чтобы онъ велѣлъ Львовнамъ хотя по зимѣ ѣхать въ Петербургъ, а паче всего, ежели возможно, чтобъ всемилостивѣйшая государыня-царица повелѣла о томъ къ нимъ отписать». Эта просьба Волынскаго была исполнена Макаровымъ: Екатерина вызвала «Львовенъ» къ 1720 г. въ Петербургъ, куда въ

Digitized by Google

концѣ 1719 г. изъ Москвы прибылъ и Волынскій.

Въ Петербургѣ въ началѣ 1720 г. состоялся сговоръ, на которомъ въ присутствіи ихъ величествъ Александра Нарышкина и Артемій Волынскій были объявлены женихомъ и невѣстою. На сговорѣ былъ и любимецъ царицы Вилимъ Монсъ, съ которымъ Волынскій успѣлъ подружиться по своемъ пріѣздѣ изъ Персіи.

Январь и февраль 1720 г. Петръ I проводилъ очень весело: въ свободные отъ серьезныхъ занятій дни онъ съ царицею охотно бывалъ у сенаторовъ, членовъ коллегій и у другихъ лицъ на шумныхъ «ассамблеяхъ»—этихъ «вольныхъ собраніяхъ не только для забавъ, но и для дѣла». Старались бывать на этихъ собраніяхъ и новонареченные женихъ Волынскій и его невѣста Нарышкина, хоть и чувствовали себя чужаками у многихъ изъ Петербургскихъ сановниковъ... Послѣдніе уже начали было кое-что замышлять противъ быстраго возвышенія Волынскаго, но царь въ выборѣ людей руководился прежде всего своими личными на нихъ взглядами...

19 февраля 1720 г., «въ день своего супружества» съ Екатериной I, царь устроилъ въ почтовомъ домѣ роскошный балъ. Гости на этомъ балу непринужденно веселились. Въ концѣ бала сожженъ фейерверкъ съ такой фигурой: на 2 лаврахъ 2 сердца подъ короной и надпись «Богъ да благословитъ яже совокупи». Въ числѣ гостей на этомъ балу были и Нарышкины съ Волынскимъ, съ которымъ царь, какъ подмѣтили нѣкоторые гости, былъ особенно любезенъ. «28 февраля царь со знатнѣйшими

Digitized by Google

персонами масленицу провожалъ и гораздо всѣ веселились и были шумны, и того же числа въ 9 часу его величество» уѣхалъ на Олонецкія марціальныя (желѣзистыя) воды, взявъ съ собою туда въ числѣ другихъ лицъ своей свиты и молодого губернатора Волынскаго. Здѣсь, на водахъ, Петръ I обсуждалъ съ Волынскимъ различные вопросы по управленію вновь учрежденной Астраханской губерніей, по использованію ея значительныхъ богатствъ, по развитію ея торговли съ богатымъ Персидскимъ краемъ и т. п.

А. Л. Нарышкина, обрадованная такимъ вниманіемъ царя къ ея жениху, всецѣло отдалась хлопотамъ по заготовленію приданаго къ своей свадьбѣ, назначенной на весну 1722 г.

Въ концѣ марта Волынскій съ Олонецкихъ марціальныхъ водъ возвратился въ Петербургъ вмѣстѣ съ царемъ и, ободренный вниманіемъ послѣдняго, сталъ усиленно ходатайствовать какъ предъ Сенатомъ, такъ и передъ разными коллегіями по исполненію своихъ доношеній и прошеній, поданныхъ имъ въ эти учрежденія еще въ 1719 г. Сенаторы и члены коллегій, вѣроятно, и тогда строго держались извѣстной чиновничьей поговорки «дѣло не волкъ, въ лѣсъ не убѣжитъ» и не только не торопились разсмотрѣніемъ разныхъ ходатайствъ Волынскаго, но даже хотѣли было отправить его въ Астрахань безъ всякихъ руководящихъ указаній и инструкцій... Однако эта попытка крупныхъ чиновниковъ не удалась: имъ всетаки пришлось выдать ему въ іюлѣ 1720 г. подробную инструкцію по управленію Астраханской губерніей.

Видя, какъ медленно рѣшаются дѣла въ нашихъ

Digitized by Google

государственныхъ учрежденіяхъ, Волынскій съ своими просьбами на счетъ дѣлъ ввѣренной ему губерніи и особенно на счетъ устройства флота на Каспійскомъ морѣ сталъ обращаться уже прямо къ самому царю. Послѣдній съ отмѣннымъ удовольствіемъ единолично разрѣшалъ всѣ недоумѣнія Волынскаго по устройству Каспійскаго флота... Вѣдь каждый образованный русскій человѣкъ долженъ согласиться съ тѣмъ, что Великій Петръ и русскій флотъ—это историческіе синонимы... Царю очень нравилась, между прочимъ, та мысль Волынскаго, что и Каспійскій нашъ флотъ долженъ быть силенъ и количествомъ и качествомъ...

6 августа и 5 октября 1720 г. Артемій Петровичь съ своей невѣстой Александрой Львовной въ числѣ другихъ сановниковъ присутствовалъ на спускѣ 2 галеръ и одного корабля «Санктъ-Питеръ». Свои суда Петръ спускалъ на воду съ особенной торжественностью. Онъ ясно сознавалъ, что безъ флота нельзя ни расширить свою внѣшнюю морскую торговлю, ни обезпечить путь иностраннымъ народамъ, которыхъ онъ приглашалъ завязать сношенія съ Россіей, горячо желая видѣть ихъ корабли въ русскихъ портахъ. Этотъ неутомимый и неустрашимый самодержецъ давно зналъ, что Англійскій король Георгъ и Голландцы считали возникающее могущество Россіи на Балтійскомъ морѣ крайне опаснымъ для своихъ взаимныхъ интересовъ... На выходку Георга, приказавшаго своему адмиралу Норису дѣйствовать заодно со Шведами наступательно противъ Россіи, царь Петръ объявилъ бывшимъ въ то время при Русскомъ Дворѣ министрамъ этихъ державъ Витворту и де-Би, что онъ скорѣе

Digitized by Google

рискнетъ потерять свою корону, чѣмъ не окончитъ своего дѣла и не доведетъ его до совершенства, такъ какъ сильный флотъ онъ считаетъ душой государства... Укрѣпляя Кронштадтъ со всѣхъ сторонъ и располагая 20 линейными кораблями, кромѣ фрегатовъ, Петръ не боялся шведовъ, хотя бы они вмѣстѣ даже съ Англичанами попытались сдѣлать высадку на нашихъ берегахъ: по всему протяженію своихъ морскихъ границъ онъ такъ умѣло располагалъ свои войска, что безъ особаго труда могъ стянуть ихъ туда, гдѣ понадобилось бы сразиться съ врагомъ.

Твердая увѣренность Петра въ своихъ силахъ неотразимо дѣйствовала на иностранныхъ пословъ при русскомъ дворѣ... 7 ноября 1720 г. Лави писалъ къ аббату Дюбуа: «Если Богъ сохранитъ жизнь царя Петра, то каждой державѣ нужно постараться уяснить себѣ его планы, чтобы не допустить исполненія тѣхъ, кои могутъ быть вредны ея интересамъ, и вступить съ этимъ самодержцемъ въ болѣе тѣсныя сношенія какъ политическія, такъ и торговыя. Имъ, я думаю, не слѣдуетъ пренебрегать: на дняхъ я узналъ, что онъ намѣревается спустить еще 3 или 4 военныхъ корабля 1 и 2 ранговъ. Хоть они еще не окончены, однако царь хочетъ начать постройку 20 новыхъ кораблей и 5 фрегатовъ, не считая при этомъ значительнаго количества галеръ». Петръ I былъ влюбленъ въ свой флотъ Балтійскій, и ему нравилось, что и Волынскій хочетъ сдѣлать сильнымъ флотъ Каспійскій...

Во второй половинѣ декабря 1720 г. Волынскій изъ Петербурга черезъ Москву выѣхалъ въ Астрахань. Въ Москвѣ онъ прожилъ до начала

Digitized by Google

февраля, потому что заболѣлъ здѣсь «прямою чахотною болѣзнію» и по совѣту мѣстныхъ врачей дважды пускалъ себѣ кровь. Хоть и говорится, что «на всякую болѣзнь по зелью выростаетъ», однако у больного Волынскаго такимъ зельемъ оказались тѣ на его счетъ сплетни, которыя и при отсутствіи въ то время телеграфа и желѣзныхъ дорогъ необыкновенно быстро перелетали изъ Петербурга въ Москву. Петербургскіе «молвотворы» обоего пола задались цѣлью разстроить бракъ Волынскаго со «Львовною» и въ этомъ направленія оказались положительно искусниками по «изблеванію сплетническаго яда»... Они уже достигли, было, того, что будущіе шурья Волынскаго Александръ и Иванъ Нарышкины чуть-чуть не сдѣлались его врагами... Вотъ что 25 января 1721 г. Волынскій писалъ изъ Москвы въ Петербургъ своему пріятелю Монсу:

«Я здѣсь былъ въ великой печали отъ приключившейся моей болѣзни, къ тому же и въ томъ было мнѣ не безъ труда: когда Александръ и Иванъ Львовичи въ С. Петербургъ прибыли, долгое время отъ нихъ писемъ не имѣлъ, также и отъ моей невѣсты, а между тѣмъ здѣсь нѣкоторые разглашали, будто Александръ Львовичъ просилъ ихъ величества, чтобъ мнѣ въ свойствѣ у нихъ не быть, также тѣшилась Иванова, жена Измайлова, будто невѣста моя въ великомъ была гнѣвѣ отъ царицы государыни и нѣкогда была брошена въ церкви Троицкой, откуда до пристани брела одна, да уже умилосердился мужъ ея надъ нею Иванъ Измайловъ и довелъ ее: однако же будто государыня-царица и въ баржу пустить не изволила;

Digitized by Google

также и прочія подобныя тому не милости терпѣла и такъ принуждена съ принужденія царицы-государыни объявить свое намѣреніе и учинить по ея волѣ, хотя бы ей, бѣдной, было и противно, въ чемъ будто она, невѣста моя, сама Измайлову приносила жалобу со слезами; также зѣло было на нее смотрѣть жалко, когда сговоръ былъ, гдѣ будто она обмирала, но на то не токмо иной кто, Вы сами, государь мой, свидѣтели были, обмирала она или нѣтъ, а что будто она жаловалась Ивану Измайлову, въ томъ я самъ могу о ней засвидѣтельствовать, что она, чаю, сроду своего съ нимъ ничего не говаривала; также нѣсколько подобно тому и Ульяна Андреевна Нарышкина жаловалатѣшилась, нарекая, что, конечно, она неволею отъ государыни-царицы принуждена».

Въ февралѣ 1721 г. Волынскій, оправившись отъ болѣзни, выѣхалъ изъ Москвы чрезъ Пензу на Саратовъ въ Астрахань, куда и прибылъ въ іюнѣ... Въ январѣ 1722 г. Петръ I разрѣшилъ ему пріѣхать въ Москву «къ празднику Христова Воскресенія для переговоровъ о нужныхъ дѣлахъ» съ тѣмъ, чтобы потомъ ему можно было вернуться въ Астрахань немедленно въ лодкѣ водою». Пріѣхавъ въ мартѣ въ Москву, Волынскій встрѣтилъ здѣсь апрѣль и провелъ очень весело: 8 числа онъ пировалъ на роскошной свадьбѣ гр. Михаила Гавріиловича Головкина, женившагося на Екатеринѣ Ивановнѣ Ромодановской, двоюродной сестрѣ Курляндской герцогини, впослѣдствіи императрицы Анны Ивановны. Въ свадебномъ поѣздѣ Петръ I ѣхалъ верхомъ предъ каретой молодыхъ съ маршальскимъ жезломъ въ рукѣ и на пиру самъ разносилъ вино, когда

Digitized by Google

пили за здоровье новобрачныхъ. 16 числа была тоже богатая свадьба кн. Никиты Юрьевича Трубецкого съ гр. Настасьей Гавріиловной Головкиной. Князь Н. Трубецкой былъ пріятелемъ Волынскаго. Отпраздновавъ свадьбу Трубецкого, Волынскій 18 апрѣля и самъ повѣнчался съ Александрой Львовной Нарышкиной. На его свадьбѣ въ числѣ гостей веселилась и Екатерина I, но царь отсутствовалъ: въ этотъ день онъ былъ не совсѣмъ здоровъ и «пускалъ себѣ кровь банковую».

Вскорѣ послѣ своей свадьбы молодожены Волынскіе изъ Москвы отправились въ Астрахань. Здѣсь имъ пришлось принимать и угощать завтраками и обѣдами предпринявшаго военный въ Персію походъ царя съ царицею. Жизнь Волынскихъ въ Астрахани была полна разныхъ треволненій. Общественной жизни здѣсь почти не было. Не только мѣстные чиновники, насиживавшіе себѣ геморрой въ своихъ канцеляріяхъ, но даже и офицеры какъ сухопутные, такъ и морскіе главную утѣху для себя находили на днѣ бутылки и въ картахъ... Мужчины пили и въ карты играли, а женщины сплетничали. Новой губернаторской четы мѣстная интеллигенція сперва побаивалась: вѣдь губернаторша была двоюродной сестрой самого царя, а губернаторъ былъ его ставленникомъ. Къ великому огорченію Александры Львовны съ ея супругомъ стряслась бѣда: царь въ морскомъ походѣ въ Персію, по наущенію адмирала Апраксина и Петра Толстого, спьяна побилъ Артемія Петровича своей дубинкою за его отказъ купаться въ морѣ. Правда, царица «до большихъ побоевъ милостиво довести не изволила», и на-завтра самъ

Digitized by Google

царь «всемилостивѣйше изволилъ обмыслиться въ своемъ поступкѣ и паки изволилъ принять Волынскаго въ прежнюю свою высокую милость», но погрязшіе въ мелочахъ Астраханцы постарались раздуть этотъ случай до небывалыхъ размѣровъ, усмотрѣвъ въ этомъ побоѣ чуть-ли не полную опалу своего новаго губернатора...

Скучно, тяжело жилось Волынскимъ въ Астрахани, несмотря даже на то, что Екатерина I и ея дочери цесаревны Анна и Елизавета Петровны довольно часто посылали къ нимъ свои письма...

Въ іюлѣ 1723 г. у Волынскихъ случилось событіе: Александра Львовна родила дочь. Объ этомъ радостномъ событіи Волынскій 28 іюля изъ Астрахани между прочимъ писалъ своему другу Монсу такъ: «Анета моя родила мнѣ тряпицу, которой дали имя Анна, и дѣвка изрядная, если будетъ, жива, чаю, карлица будетъ, чему бы я и радъ былъ, понеже когда будетъ не глупа, то-бъ уповалъ, что будетъ вмѣсто Авдотьюшки въ милости, и я бы больше не желалъ, чтобъ она совсѣмъ была такова, какъ она, что бы себѣ за особливое счастье причиталъ: мнѣ же бы безъ убытку». «Авдотьюшка» была любимой карлицей Екатерины I. Проча свою первеницу въ преемницы «Авдотьюшки», Волынскій былъ очень смущенъ тѣмъ, что до сихъ поръ ни отъ матушки-царицы, ни отъ цесаревны Анны Петровны еще не получилъ вѣсти о согласіи на воспріятіе послѣднею отъ купели его новорожденной.

Пріятель Монсъ вывелъ Артемія Петровича изъ такого недоумѣнія: цесаревна Анна прислала Волынскому письмо о своемъ согласіи быть крестной

Digitized by Google

матерью его Аннушки... «Бабенку и дѣвченку» Артемія Петровича особенно баловала цесаревна Елизавета Петровна: при своихъ къ нимъ письмахъ она присылала имъ разные подарки, чаще всего ленты.

Въ мартѣ 1725 г. у Волынскихъ родилась другая дочь, которую они назвали Маріей. Родители Волынскіе хоть и считали своихъ дочерей Божьимъ благословеніемъ, однако все же имъ хотѣлось имѣть у себя наслѣдника. Такому ихъ желанью суждено было исполниться: 4 ноября 1727 г. у нихъ уже въ Москвѣ родился сынъ, названный ими въ честь своего дѣда Петромъ. Александра Львовна всецѣло посвятила себя воспитанію своихъ малютокъ, но, къ сожалѣнію, ей не суждено было долго жить: 12 сентября 1730 г. она въ Казани тихо скончалась. Смерть жены глубоко поразила Волынскаго: «Сего сентября 12 дня», писалъ онъ Г. И. Головкину, «посѣтилъ меня Богъ тяжкой печалью, понеже жена моя скончалась. Отъ такой моей претяжкой печали истинно у меня ни ума, ни памяти въ головѣ не стало».

По смерти жены у Артемія Петровича осталось трое малолѣтнихъ дѣтокъ: Анна 7 лѣтъ, Марья 5 лѣтъ и Петръ 3 лѣтъ. Горько было отцу смотрѣть на своихъ дѣтокъ, «понеже три такіе черви, что малъ-мала меньше». «Боже сохрани», писалъ онъ тому же Головкину, если не продолжится мой вѣкъ, такъ они, бѣдные, уже и совсѣмъ пропадутъ, понеже извѣстно Вамъ, милостивый отецъ, какъ я пустъ и сиръ».

Жизнь этихъ малютокъ безъ нѣжнаго материнскаго ухода дѣйствительно была не красна. Отецъ

Digitized by Google

ихъ былъ занятъ хлопотливой государственной службой, осложнявшейся разными подвохами противъ него со стороны довольно сильныхъ и многочисленныхъ его враговъ. Лично самому ему заниматься воспитаніемъ своихъ дѣтей нечего было и думать, а близкихъ родственниковъ или родственницъ, которымъ можно было бы поручить это воспитаніе, у него не находилось.

Къ счастью Артемія Петровича, у покойной его жены былъ умѣло подобранъ большой и хорошій по своему составу штатъ дворовыхъ людей: почти всѣ эти люди какъ мужчины, такъ и женщины были грамотными и крѣпко въ Бога вѣрующими, строго нравственными, сердечными и преданными слугами. Весь надзоръ за своими дѣтьми и за людьми при нихъ Волынскій поручилъ своему главному управляющему Филиппу Борге и стряпчему Андрею Курочкину. Среди взятыхъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ бабушекъ, мамъ, нянь и дѣвушекъ бѣднымъ дѣтямъ Волынскаго, служившаго съ 1732 г. въ Петербургѣ, и пришлось проводить въ Москвѣ не только золотую пору своей жизни— дѣтство, но и начало ея тревожнаго періода — юность. Здѣсь, въ Москвѣ, и въ этомъ вполнѣ деревенскомъ, чисто народномъ, трудовомъ кругу зарождалось и крѣпло религіозно-нравственное міросозерцаніе дѣтей Волынскаго, здѣсь отъ взятыхъ изъ народа лицъ они набирались практическаго здраваго смысла, здѣсь у нихъ вырабатывался честный, прямой и сильный характеръ.

Живя въ Петербургѣ, вдали отъ своихъ дѣтей, и рѣдко видясь съ ними, Волынскій прямо-таки не давалъ покоя Филиппу Борге и Андрею Курочки-

Digitized by Google

ну своими подробными письменными наставленіями на счетъ воспитанія «Анютушки, Машеньки и Петруши». Въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей онъ обращалъ одинаково серьезное вниманіе какъ на тѣлесное, такъ и на умственное, и религіозно-нравственное ихъ развитіе. Его письма пестрятъ приказаніями: «мыть дѣтей въ банѣ, но не часто» во избѣжаніе простуды; устраивать имъ чуть ли не ежедневныя прогулки по городу пѣшкомъ или на лошадяхъ, которыхъ «для ѣзды дѣтямъ» было на его московской конюшнѣ 4 молодыхъ неаполитанскихъ жеребца модныхъ въ то время мастей (2 карихъ и 2 вороныхъ); «чрезъ каждые 3 мѣсяца перемѣнять дочерямъ въ платьяхъ корсеты, которые долженъ былъ дѣлать на нихъ лучшій мастеръ, дабы станъ у нихъ тѣмъ не былъ испорченъ»; весной и лѣтомъ возить дѣтей въ подмосковное село Вороново и «жить тамъ столько времени, сколько они пожелаютъ», забавлять ихъ разными играми и покупать имъ разныя «дѣтиныя потѣшки».

Поѣздка дѣтей въ подмосковное село Вороново доставляла Волынскому не мало хлопотъ. 23 іюня 1738 г. онъ, между прочимъ, писалъ Борге: «я далъ позволеніе дѣтямъ ѣхать въ Вороново и для того надобно, чтобъ въ Вороновѣ не безлюдно при нихъ было, понеже большая тамъ дорога и кабакъ, а нынѣ Петра Васильевича въ Москвѣ нѣтъ. Того ради писалъ я къ дѣтямъ, чтобъ попросили Пелагею Семеновну Еварлакову, чтобъ она при нихъ тамъ пожила, а притомъ попроси Петра Богданова, чтобъ онъ проводилъ ихъ съ женою, если можно, а жить-бы опредѣлилъ при нихъ изъ старичковъ, изъ стремянныхъ конюховъ, Щептева

Digitized by Google

да изъ задворныхъ и изъ стряпчихъ человѣкъ 5 или 6 выбралъ, чтобъ не молодые люди были и не пьяницы, и не дураки, которые бы были неотлучно при нихъ. Когда дѣти поѣдутъ, тогда все, что есть вверху, прибрать въ казенныя палаты, и чтобъ въ Москвѣ остался Аѳанасій Глинскій и жилъ-бы вверху въ палатахъ, а съ дѣтьми чтобъ ѣхалъ дворецкій Березовскій, а ты, Филиппъ, дня черезъ 2 пріѣзжай къ дѣтямъ, а живи въ Москвѣ, и когда ты поѣдешь къ дѣтямъ, чтобъ секретарь Муромцевъ безъ тебя жилъ и ночевалъ въ моемъ домѣ, также попроси Сергѣя Ивановича (Бутурлина), чтобъ и онъ по вся дни пожаловалъ въ домѣ безъ тебя надсматривалъ».

Своихъ лошадей для поѣздки дѣтей въ Вороново Волынскому не хотѣлось давать. Неаполитанскіе жеребцы были слишкомъ цѣнны и къ тому же очень горячи; въ пути они могли разбить коляски и ушибить дѣтей и себя. Поэтому Артемій Петровичъ приказывалъ Борге: «лошадей попроси для дѣтей у кн. Алексѣя Михаиловича (Черкасскаго) и у кн. Михаила Васильевича Голицына, также и у Сергѣя Ивановича Бутурлина и что надобно колясокъ и прочаго, однако что чужое взято будетъ, то все надобно беречь паче своего, и какъ пріѣдутъ въ Вороново, то лошадей съ благодареніемъ назадъ отослать, а когда паки въ Москву ѣхать, то за нѣсколько дней паки послать и попросить».

Большое значеніе въ дѣлѣ тѣлеснаго развитія своихъ дѣтей Волынскій придавалъ танцамъ: «учатся-ли», спрашивалъ онъ въ своемъ письмѣ къ Борге, «Аннушка и Машенька танцовать, что, конечно,

Digitized by Google

надобно, чтобъ не забыли, а притомъ чтобы и Петруша понемножку учился хотя не для танцевъ, только для крѣпости ногъ, и чтобъ прямо умѣлъ держать позитуру, не сугорбливаяся и голову не наклоняя, что весьма надобно ему обучаться и притомъ чтобъ, когда ходитъ или стоитъ, колѣни держалъ прямо и крѣпко, а не слабо». Нѣсколько позднѣе (въ августѣ 1734 г.) Волынскій спрашивалъ Борге, «учится ли Петръ танцамъ и каково танцуетъ и охотно-ль учится». Танцамъ обучалъ «танцмейстеръ», получавшій въ годъ 10 руб. или на наши деньги 100 руб.

Особенно тревожила Волынскаго болѣзнь его дѣтей. 8 августа 1734 г. онъ писалъ Курочкину: «писалъ ко мнѣ Карастелевъ, что Аннушка занемогла, того ради отпишите ко мнѣ самую правду, какова она нынѣ въ своемъ здоровьѣ и отчего болѣзнь припала, и долго ли была больна, а я сомнѣваюся, чаю, конечно, отъ зеленей ей пришла болѣзнь, ибо какъ пишетъ Карастелевъ, что была рвота съ небольшимъ поносомъ, того ради для Бога смотрите и не давайте въ томъ воли, чтобъ дѣти много ягодъ и зеленей не ѣли, и о томъ и вдовамъ прикажите, чтобъ онѣ того смотрѣли. Есть у дѣтей заячья засушеная кровь для лекарства, удѣли отъ оной 2 доли и пришли сюда съ Карастелевымъ, а 3-ю долю оставь у дѣтей».

Несмотря на заботы своего отца и внимательный уходъ своихъ дворовыхъ людей, Анна Волынская часто болѣла и вообще не обладала крѣпкимъ здоровьемъ. При своей хворости она строго соблюдала посты. Такое пощенье своей Аннушки Волынскій считалъ излишнимъ и 2 іюня 1735 г.

Digitized by Google

по поводу ея болѣзни лихорадкою написалъ Андрею Курочкину такъ: «Пишешь, что Аннушка была больна лихорадкою, чего мнѣ безмѣрно жаль, и хотя, какъ пишешь ты, что уже миновала лихорадка, однакоже для лучшей осторожности въ нынѣшній Петровъ постъ, конечно, чтобъ Аннушка кушала мясо, что накрѣпко смотри, и чтобъ и мамы того смотрѣли, и чтобъ зелени ей кушать не давали, также чтобъ за Аленушкою и за Машенькою смотрѣли, чтобъ зелени немного давали имъ кушать, и также чтобъ мясо кушали въ постъ. Доктору Блюментросту велѣлъ я Аннушкѣ подарить 30 рублей да лекарю Падамкану 20 руб., и оныя деньги выдай, и чтобъ Падамкану деньги даны были особливо, безъ доктора».

Крайне нервнымъ и тѣлесно очень слабымъ мальчикомъ былъ и ея единственный родной братъ Петя. Онъ, можно сказать, страдалъ огнебоязнью: малѣйшій даже далеко имъ увидѣнный пожаръ приводилъ его въ неописуемый ужасъ. Зная такую слабость своего сына, Артемій Петровичъ очень опасался за его здоровье, когда узналъ о бывшемъ пожарѣ въ томъ Московскомъ его домѣ, гдѣ жили его дѣти. Такъ 3 марта 1733 г. онъ изъ Петербурга писалъ въ Москву Филиппу Борге, Андрею Курочкину и Аѳанасію Глинскому: «Богъ васъ судитъ, Филиппъ. Ты людямъ моимъ даешь волю безмѣрно топить и того Вы не смотрите. Однако-жъ тому уже быть такъ, только безмѣрно мнѣ сомнительно о дѣтяхъ моихъ, а паче о Петрушѣ, что не настращали-ль его тѣмъ, понеже онъ не только такого близкаго, но и дальняго пожара боится. Того ради ты, Филиппъ, и Андрей Курочкинъ от-

Digitized by Google

пишите ко мнѣ немедленно правду, не испужался-ли Петруша, о чемъ я безмѣрно сомнѣваюсь. Отчего пожаръ произошелъ сперва въ банѣ?» Во избѣжаніе при пожарѣ какого-либо несчастья съ дѣтьми, Волынскій приказалъ дворовымъ бабамъ дежурить при нихъ по ночамъ. Послѣ такого выговора, почти черезъ 2 года, Волынскому пришлось снова дѣлать Борге и Курочкину замѣчаніе. 11 февраля 1735 г. онъ изъ Петербурга писалъ имъ: «отписка Ваша, отъ 3 сего февраля писанная, получена, и что пишите, что къ дѣтямъ въ палату приводили черную суку Свалу, и что оная стеклась потомъ и умерла, и то мнѣ безмѣрно сомнительно, не укусила-ль она изъ дѣтей кого, а паче Петрушу: можетъ быть, что онъ близко подходилъ къ ней и гладилъ ее. Того ради отпишите ко мнѣ правду, не укусила-ль она кого, и впредь, конечно, никакихъ собакъ къ дѣтямъ вверхъ не водите, и чтобъ и маленькихъ собакъ у нихъ вверху отнюдь не было».

Крѣпкимъ здоровьемъ и веселымъ характеромъ отличалась Марія Волынская, вскормленная грудью кормилицы. Въ то время какъ ея сестра Анна и братъ Петръ умерли очень рано, она дожила до почтеннаго возраста и оставила послѣ себя потомство, не пресѣкшееся еще и теперь.

Волынскій далъ своимъ дѣтямъ домашнее образованіе. Обученіе ихъ чтенію и письму, ариѳметикѣ и геометріи и даже наблюденіе за чтеніемъ ими книгъ онъ поручилъ сыну своего дворецкаго Матвѣю Аѳанасьевичу Глинскому; русской грамматикѣ и рисованью ихъ обучали учителя и ученики Московской духовной школы, законъ Божій

Digitized by Google

имъ преподавалъ одинъ изъ Московскихъ священниковъ, француженка учила ихъ говорить по французски за 100 руб. въ годъ при готовой квартирѣ, столѣ и услугахъ. Нѣмецкому языку и зоологіи до переѣзда ихъ изъ Москвы въ Петербургъ обучали разные иноземцы. Француженку и учителей иноземцевъ Волынскій хоть и нанималъ лишь послѣ самой тщательной справки о нихъ, однако къ нему иногда поступали довольно таки сомнительныя личности по своему поведенію. По крайней мѣрѣ въ 1737—8 гг. иноземецъ Павелъ Тонза оказался въ нравственномъ отношеніи не совсѣмъ удачнымъ учителемъ.

Общее наблюденіе за обученіемъ и воспитаніемъ дѣтей Волынскаго имѣли также Филиппъ Борге и стряпчій Андрей Курочкинъ. Этимъ двумъ лицамъ онъ очень часто писалъ: «Борге и Курочкинъ! Смотрите того, чтобъ дѣти учились»... или: «отпишите мнѣ подлинно и самую правду, учатся-ли и не рѣзвятся-ли дѣти, а паче Петруша, и если рѣзвится, но чтобъ учился и не упрямился... останавливайте въ шалостяхъ, иначе ихъ избалуете и тѣмъ погубите. Если испотворованы будутъ, то впредь трудно будетъ ихъ исправить, и то мнѣ вмѣсто услуги отъ Васъ презлая пакость будетъ... Правда, хотя и дѣти еще, да Вамъ господа, которыхъ бить и бранить нельзя, однакожъ учтивыми словами воспрещать всячески можно, а притомъ буде то не помогло-бы, то немедленно ко мнѣ писать, а между тѣмъ ихъ много отнюдь не стращать. Бога ради поступайте съ дѣтьми совѣстно».

Опасаясь, какъ бы Матвѣй Глинскій при обученіи «своихъ маленькихъ господъ» не дѣлалъ имъ

Digitized by Google

какихъ-либо послабленій, Волынскій 28 августа 1734 г. писалъ Борге: «о ученьѣ дѣтей ариѳметикѣ прикажи М. Глинскому, чтобы онъ имъ потачкою не прислуживался, чтобъ за то не быть въ отвѣтѣ... Смотри, чтобъ они прилежно учились и читали книги, и писали росписныя письма, и въ томъ имъ не послабляй и стращай мною, а ежели лѣниться будутъ, пиши прямо ко мнѣ». Но Глинскій любилъ выпить и не всегда слушался приканій своего хозяина, поэтому Артемій Петровичъ 3 февраля 1735 г. писалъ Борге и Курочкину: «я вижу, что Матюшка Глинскій училъ ариѳметикѣ дѣтей моихъ по конецъ рукъ, ибо нынѣ имъ зачали сызнова учить все, что учили; того ради его за то нынѣ сковать, и быть ему до пріѣзда моего скованному и отнюдь изъ желѣзъ его не выпущать, и пить не давать, и того Вамъ накрѣпко смотрѣть».

Конечно, Волынскій вполнѣ понималъ всю неудовлетворительность заочнаго образованія и воспитанія своихъ дѣтей, онъ ясно сознавалъ, что ни женскій, ни мужской персоналъ его дворовыхъ людей, при всѣхъ своихъ хорошихъ качествахъ, не можетъ замѣнить его дѣтямъ родительскихъ заботъ. Взять своихъ дѣтей къ себѣ, въ Петербургъ, ему было нельзя частью потому, что здѣсь у него еще не было своего дома и имъ негдѣ было жить, а частью и потому, что въ Петербургѣ онъ пока не располагалъ лучшими и болѣе прочными связями, чѣмъ въ Москвѣ, къ тому же и жизнь въ Москвѣ, поближе къ своимъ имѣніямъ, въ общемъ была для дѣтей Волынскаго значительно дешевле жизни въ Петербургѣ.

Digitized by Google

Неестественность постановки своего образованія и воспитанія вдали отъ отца, хоть бы и среди преданныхъ дворовыхъ людей, съ теченіемъ времени стали чувствовать, а потомъ и ясно сознавать и сами дѣти Волынскаго. Уже въ началѣ 1735 г. старшая дочь Анна жаловалась отцу, что ихъ держатъ взаперти, точно въ теремѣ, и Артемій Петровичъ въ апрѣлѣ этого же года дѣлаетъ А. Курочкину такое замѣчаніе: «слышалъ я, что коляски мои (берлинъ и карету) для ѣзды многіе берутъ и ѣздятъ не только по Москвѣ, но и по деревнямъ въ коляскахъ моихъ, чего я не люблю, и для того отнюдь никому колясокъ моихъ ѣздить не давай, кромѣ что когда случится дѣтямъ куда выѣхать». Это замѣчаніе видимо не понравилось Курочкину, и онъ сдѣлалъ такъ, что коляски стояли въ каретномъ сараѣ, а господскія дѣти сиднемъ сидѣли въ своихъ комнатахъ. За это «Анютушка» пожаловалась на Курочкина своему отцу, и Волынскій въ декабрѣ того же года послалъ Борге и Курочкину такое замѣчаніе: «писала ко мнѣ Аннушка, что къ нимъ жалуютъ-посѣщаютъ, а ихъ никуда вы не вывозите, и притомъ пишетъ, что и ѣздить имъ не на чемъ, итакъ они сидятъ у васъ дома и дичѣютъ, и людей знать не будутъ. Того ради отпишите ко мнѣ, лошадей-ли нѣтъ, что не на чемъ ѣздить, или возка нѣтъ, и буде возка нѣтъ, то можно подъ ту карету, которая изъ Польши въ обозѣ прислана, сдѣлать зимній станокъ и возить ихъ къ тѣмъ, кто жалуетъ-посѣщаетъ ихъ. Того ради вывозите ихъ чаще, чтобы они знали людей и поступки, а докладывайтесь о томъ Аннѣ Ивановнѣ Нарышкиной». Во избѣжаніе такъ дѣтямъ свойственныхъ, хоть и

Digitized by Google

не всегда умѣстныхъ, шалостей Волынскій приказывалъ, чтобъ съ Петей ѣздилъ самъ Борге, а «Аннушка или Машенька чтобъ ѣздили не съ дѣвками, а со вдовами (Лукерьей Замшиной или Курочкиной), или съ женой Бѣлецкаго».

Желая стать ближе къ обученію и воспитанію своихъ дѣтей и пріучить ихъ къ самостоятельности, Волынскій 28 августа 1734 г. приказалъ имъ представлять ему сперва одинъ разъ, а потомъ и дважды въ недѣлю (по воскресеньямъ и четвергамъ) по выработанной имъ формѣ «репорты о своемъ ученьѣ и поведеніи». «Посылаю», писалъ онъ къ Борге, «дѣтямъ форму, по которой бы они каждыя почты присылали ко мнѣ репорты, что которая выучитъ въ недѣлю, однако и паки подтверждаю тебѣ наблюдать и смотрѣть, чтобъ прилежно они учились и для записыванья, сколько во дни часовъ и что выучили, всегда бы при дѣтяхъ были или Бѣлецкій самъ, или жена бы его не отлучалась отъ нихъ». Это новшество особенно понравилось старшей дочери Волынскаго, и она съ удовольствіемъ посылала отцу «репорты» о своемъ ученьѣ. Такъ въ 1737 г., въ бытность Волынскаго на конгрессѣ въ Немировѣ, она, между прочимъ, писала ему: «а что въ прошедшую недѣлю учила, о томъ всепокорно при семъ прилагаю репортъ и нарисованный цвѣтокъ. Благодарствуемъ, что милостиво наше ученіе соизволите принимать».

Получая отъ своихъ дѣтей такіе «репорты», Волынскій всетаки продолжалъ посылать къ Борге «указы о надсматриваніи за ихъ ученьемъ», а послѣдній эти указы иногда объявлялъ «своимъ маленькимъ господамъ». Такая тактика Артемія Пе-

Digitized by Google

тровича очень не нравилась его «Анютушкѣ», сильно полюбившей независимость отъ Борге въ своей перепискѣ съ отцомъ. Свое недовольство такими указами она выказывала тѣмъ, что по выслушаніи ихъ отъ Борге «сильно печалилась и весьма плакала». Борге сперва не доносилъ Волынскому объ этихъ слезахъ, но потомъ (23 февраля 1736 г.) написалъ къ нему слѣдующее: «Государыня Анна Артемьевна съ полученія писемъ въ субботу, воскресенье и понедѣльникъ печалилась и весьма плакала, отчего я, государь, былъ опасенъ, чтобъ ей, государынѣ, въ такой печали не приключилась какая болѣзнь, понеже, государь, какъ Вамъ извѣстно, что она, государыня, по воспитанію своему здоровьемъ слаба, токмо уже, получа сей день отъ Васъ, государя, письма, печалиться перестала». По такому письму Борге Волынскій приказалъ ему болѣе не объявлять дѣтямъ указовъ «о надсматриваніи за ихъ ученьемъ», самъ же началъ вести очень дѣятельную переписку съ своей старшей дочерью. Содержаніе писемъ Волынскаго къ своей «Анютушкѣ» и писемъ «Анютушки» къ своему отцу крайне разнообразно и интересно. Всѣ они согрѣты высокою родственно-душевною теплотою и проникнуты серьезнымъ дѣловымъ характеромъ. При чтеніи этихъ писемъ выносишь такое впечатлѣніе, что Артемій Петровичъ во всемъ былъ ученикомъ Петра Великаго, этого гиганта-царя, «не любившаго носить имя и титулъ безъ дѣйства».

Онъ, Волынскій, стремился къ тому, чтобъ его дѣти были «господами» прежде всего надъ самими собой и притомъ такими, у которыхъ бы слово по возможности никогда не расходилось съ дѣломъ.

Digitized by Google

Онъ внушалъ имъ прилежно учиться и не стыдиться никакого труда, «обращаться со слугами ласково и учтивыми словами», быть съ ними справедливыми, говорить правду всѣмъ и обо всемъ, быть учтивыми, но отнюдь не угодливыми со старшими и высшими себя, знать цѣну деньгамъ и не тратить ихъ понапрасну, жить по средствамъ и не допускать никакой роскоши, особенно въ одеждѣ. 18 декабря 1735 г. Волынскій, сообщая Борге объ экономіи въ расходахъ домашнихъ на дѣтей и дворню, говоритъ, между прочимъ, слѣдующее: «Аннушка писала, что платье старое материнское, которое я отобралъ имъ, чтобы передѣлать, для выѣзда не годится, а что нужда у нихъ въ сорочкахъ. Того ради писалъ я къ теткѣ А. И. Нарышкиной, чтобъ она пересмотрѣла старое покойной жены моей платье и полотна. Покажите ей, и какъ она скажетъ, такъ и сдѣлать".

Волынскому особенно хотѣлось, чтобы его дѣти умѣли хорошо рисовать. «Анютушка, другъ мой», писалъ онъ своей старшей дочери 17 ноября 1737 г. изъ Кіева, «ежели по сіе время отъ Гладкова краски къ тебѣ не присланы, пожалуй, не теряй время, хотя карандашемъ учись ты и всѣ вы тушевать». Заботился онъ и о томъ, чтобъ его дочери занимались домашнимъ хозяйствомъ. Онъ съ удовольствіемъ посвящалъ свою Анютушку во всѣ хозяйственныя нужды, сообщая ей даже изъ Немирова такія свѣдѣнія: «Писалъ я къ Гладкову въ Петербургъ, чтобъ онъ, купя, прислалъ къ Вамъ 2 пуда кофе, изъ которыхъ 1 пудъ, когда привезутъ, изволь отдать Катеринѣ Ивановнѣ Паганкамфшѣ (дочь придворнаго врача Ивана Пагенкампфа). Так-

Digitized by Google

же я писалъ къ нему, чтобъ онъ купилъ Вамъ сахару тамъ 3 пуда и прислалъ, и для того впредь въ Москвѣ сахару не велите покупать, понеже въ Петербургѣ чуть не вполы дешевле». Анна Артемьевна такъ научилась хозяйничать, что посылала своему отцу въ Петербургъ боченки маринованныхъ сливъ собственнаго приготовленія.

1738 годъ Волынскій считалъ для себя чуть ли не самымъ счастливымъ: 3 апрѣля этого года онъ, благодаря преимущественно Бирону, попалъ въ кабинетъ-министры. Ставъ кабинетъ-министромъ, онъ не считалъ себя какимъ-либо выскочкой и часто говаривалъ своимъ знакомымъ, что «ему не стыдно въ Кабинетѣ съ Черкасскимъ сидѣть: не малой фамиліи и самъ онъ». Упоминая о кн. А. М. Черкасскомъ, имѣвшемъ знатную родословную, и умалчивая о другомъ своемъ товарищѣ по Кабинету гр. А. И. Остерманѣ, человѣкѣ незнатнаго происхожденія, Волынскій кичился своей родословной, которую велъ отъ князя Дмитрія Михаиловича Волынскаго-Боброка, женатаго на родной сестрѣ Великаго князя Дмитрія Ивановича Донского Аннѣ Ивановнѣ. Но Биронъ при назначеніи Волынскаго въ Кабинетъ руководился не родословной его, а даровитостью. Когда иноземные при русскомъ дворѣ послы спрашивали герцога, почему онъ именно на Волынскомъ остановилъ свой выборъ, то Биронъ отвѣчалъ: «Волынскій—это одна изъ лучшихъ русскихъ головъ». Къ сожалѣнію, эта лучшая русская голова была Бирону нужна въ кабинетѣ министровъ не столько для государственнаго дѣла, сколько для противодѣйствія другой «лучшей» нѣмецкой головѣ, т. е. Остерману..

Digitized by Google

Занявъ такую высокую должность и получая по ней жалованья 6000 руб. въ годъ, Волынскій рѣшилъ взять своихъ дѣтей изъ Москвы къ себѣ въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобъ Аннушку и Машеньку какъ-нибудь пристроить ко двору Анны Леопольдовны, а не царицы Анны Ивановны, которая заставляла свой дворъ утопать въ роскоши. Вотъ что 29 января 1732 г. Рондо изъ Петербурга писалъ про русскій дворъ Гаррингтону: «не могу выразить, до чего доходитъ роскошь двора въ одеждѣ; я бывалъ при многихъ дворахъ, но никогда не видалъ такихъ вороховъ золотого и серебрянаго галуна, нашитаго на платья, такого обилія золотыхъ и серебряныхъ тканей. 3 будущаго мѣсяца тезоименитство императрицы, слѣдовательно предстоитъ новое празднество, потому никто не хочетъ и думать о дѣлахъ: теперь уже всѣ заняты приготовленьемъ изящныхъ костюмовъ. Не могу, однако, представить себѣ, чтобы такая роскошь могла продолжаться долго, иначе она разоритъ большинство знатныхъ русскихъ фамилій, изъ которыхъ нѣкоторымъ приходится продавать помѣстья, чтобъ покупать платья, которыя должны были быть новыми на каждый придворный праздникъ».

Такихъ праздниковъ при Аннѣ Ивановнѣ было не мало. Особенно «знатными днями при дворѣ ея величества» считались: 1 января—новый годъ, 19 января — день восшествія Анны Ивановны на русскій престолъ, 28 января — день ея рожденія, 3 февраля—ея имянины, 28 апрѣля—ея коронованіе, 29 іюня — день святыхъ апостоловъ Петра и Павла «для торжества ордена святого Андрея ка-

Digitized by Google

валеровъ», 30 ноября день «торжества того же ордена кавалеровъ», 23 іюля день торжества «Польской кавалеріи Бѣлаго Орла», 30 августа — день «торжества кавалеровъ ордена святого Александра Невскаго», 7 и 9 декабря—день рожденія и именинъ принцессы Анны Леопольдовны, 18 декабря—день рожденія цесаревны Елисаветы Петровны, 2 іюня—день воспріятія Бирономъ герцогства Курляндскаго, 13 іюня—именины Бирона, 12 ноября—день его рожденія, 4 октября—день рожденія жены Бирона, 4 февраля—день рожденія старшаго сына Бирона Петра, 30 сентября — день рожденія его младшаго сына Карла, 1 октября—именины этого Карла и 23 іюня — день рожденія дочери Бирона Ядвиги (Елисаветы).

Изъ этихъ «знатныхъ дней» Анна Ивановна особенно весело и шумно праздновала годовщину своего вступленія на престолъ. Въ этотъ день она сама пила болѣе обыкновеннаго и сквозь пальцы смотрѣла на разныя безчинства своихъ пьяныхъ придворныхъ, которые такъ напивались, что, напримѣръ, 19 января 1732 года Биронъ, а также русскіе и иностранные министры катались по полу въ аппартаментахъ царицы и срывали парики другъ съ друга въ ея присутствіи. Въ этомъ же году австрійскій и прусскій посланники на балахъ у Бирона цѣловали ему руку и пили, стоя на колѣняхъ, за его здоровье. Волынскому крайне было непріятно посѣщать царицу въ эти праздничные дни: онъ пилъ мало и въ трезвомъ состояніи былъ принужденъ выслушивать пошлыя на свой счетъ остроты, отпускаемыя въ присутствіи самой царицы и всего двора пьяными

Digitized by Google

кн. Александромъ Борисовичемъ Куракинымъ и гр. Павломъ Ивановичемъ Ягушинскимъ...

Пили придворные, пилъ и народъ, а чрезъ пьянство народное росъ и казенный доходъ: еще въ 1730 г. въ смѣтѣ государственныхъ доходовъ сборъ съ кабаковъ занималъ 2-е мѣсто и равнялся милліону руб., тогда какъ сборъ съ желѣзныхъ и мѣдныхъ рудниковъ составлялъ лишь 60,000 руб. Желая во что бы то ни стало ввести своихъ дочерей въ придворную среду, Волынскій иногда поступался своимъ самолюбіемъ и разныя остроты придворныхъ графовъ и князей часто старался пропускать мимо ушей. Показать свою 15-лѣтнюю Анютушку въ Петербургѣ при дворѣ въ ея простенькихъ московскихъ нарядахъ Волынскій не посмѣлъ и потому лѣтомъ 1738 г. не только нашилъ ей въ Москвѣ дорогихъ платьевъ, но даже подарилъ ей очень цѣнный «складень изъ красныхъ лаловыхъ камней», т. е. сборное, на цѣпочкахъ, ожерелье съ дорогими рубинами, изъ которыхъ 6 штукъ стоили на наши деньги 15,000 руб., и заказалъ московскому «золотарю» сдѣлать для нея серьги съ рубинами и брилліантами, при чемъ рубины онъ отдалъ золотарю свои, а брилліанты взялся поставить золотарь. Какъ только дѣло дошло до драгоцѣнныхъ каменьевъ, въ Анютушкѣ, почти еще ребенкѣ, сейчасъ проснулась женщина. Кажись вся ея душа въ каменья ушла, а каменья, что деньги: тяжело на душу ложатся. Съ большой досадой она писала отцу въ Петербургъ, что заказанныя имъ въ іюлѣ серьги еще не были готовы и въ сентябрѣ. «Золотарь» оказался человѣкомъ себѣ на умѣ. Онъ прямо-таки зачаровывалъ

Digitized by Google

юную дочь кабинетъ-министра, принося ей для выбора разной величины и блеска брилліанты. Предъ брилліантовымъ блескомъ она не устояла и выбрала такіе каменья, за которые золотарь спросилъ на наши деньги по 450 руб. «за крату». По совѣту Сергѣя Ивановича Бутурлина она давала 400 руб. «за крату», но золотарь не уступалъ своихъ брилліантовъ по этой цѣнѣ, и тогда «Анютушка» выбранные ею брилліанты вмѣстѣ съ рубинами послала въ Петербургъ къ своему отцу. Артемій Петровичъ разрѣшилъ дать за брилліанты просимую золотаремъ цѣну, и дорогія серьги были готовы къ ея отъѣзду въ Петербургъ.

Въ мартѣ 1739 г. всѣ дѣти Волынскаго переѣхали къ нему изъ Москвы въ Петербургъ и, поселившись у него въ деревянномъ домѣ на Мойкѣ, близь Невскаго проспекта, сразу очутились въ роскошной обстановкѣ противъ своей московской жизни. Въ этомъ домѣ было 18 большихъ господскихъ комнатъ, лучшія изъ нихъ были обиты краснымъ атласомъ съ травами и шелковыми персидскими канаватами, а прочія—цвѣтною камкой, ткаными шпалерами и др. Въ комнатахъ было: 16 зеркалъ въ золотыхъ рамахъ и 7 въ орѣховыхъ, 1 канапе, 24 стола, 24 стула съ триковыми подушками, 32 стула съ кожаными подушками, 17 стульевъ безъ подушекъ, 7 креселъ, двое камчатныхъ ширмъ, 5 англійскихъ кабинетовъ за стеклами, 4 безъ стеколъ, 48 писанныхъ на полотнѣ картинъ и нѣсколько портретовъ, напримѣръ портреты царей Ивана и Петра Алексѣевичей, царицы Анны Ивановны, Анны Леопольдовны, Бирона и его жены. Образовъ, писанныхъ на мѣди, деревѣ и полотнѣ

Digitized by Google

и печатныхъ на пергаментѣ съ окладами и безъ нихъ было 34. Здѣсь же было 2 серебряныхъ кіота, изъ нихъ 1 съ мощами, и 3 серебряныхъ вызолоченныхъ креста, 2 изъ нихъ съ мощами. Изъ комнатныхъ образовъ дѣти Волынскаго особенно чтили образъ соименнаго своему отцу святого мученика Антіохійскаго Артемія, пострадавшаго въ 361 г. отъ Юліана; память этого святого чтится православною церковью 20 октября.

Вскорѣ по своемъ пріѣздѣ въ Петербургъ дѣвицы Волынскія были приняты ко дворамъ императрицы, принцессы Анны Леопольдовны и цесаревны Елисаветы Петровны. Послѣдняя очень обласкала «Аннушку» Волынскую, какъ крестную дочь своей покойной сестры герцогини Голштинской. При первыхъ двухъ дворахъ говорили часто по-нѣмецки, а при дворѣ Елисаветы Петровны по-французски. Знаніе этихъ языковъ очень пригодилось въ Петербургѣ дочерямъ Волынскаго; здѣсь же выяснилась для нихъ необходимость усиленно заниматься музыкой. Для обученія ихъ музыкѣ «на клевикортномъ инструментѣ» Артемій Петровичъ нанялъ на 5 мѣсяцевъ, за 100 руб. въ мѣсяцъ на нынѣшнія деньги, «органиста Петербургской нѣмецкой люторской кирки Фридриха Вильде».

Особенное вниманіе Волынскій обратилъ на образованіе своего сына: 11 лѣтній Петя плохо зналъ нѣмецкій языкъ, и отецъ въ мартѣ 1739 г. выписалъ для него на 3 года изъ Штутгардта иноземнаго студента Іоганна Зейгера, который за 2000 руб. въ годъ одновременно съ нѣмецкимъ языкомъ обучалъ малолѣтняго Петю и языку латинскому, сообщая при этомъ краткія свѣдѣнія и

Digitized by Google

по зоологіи. Послѣдней Петя Волынскій очень интересовался и имѣлъ у себя не мало «склянокъ со спиртусомъ», въ которомъ были «скорпіоны и ящерицы». Неизвѣстно, какъ Петя Волынскій успѣвалъ въ нѣмецкомъ языкѣ, но латинскій языкъ ему давался легко: уже 20 октября 1739 г. онъ произнесъ предъ своимъ отцомъ поздравленіе со днемъ его рожденья, написанное полатыни учителемъ Зейгеромъ. Эта довольно любопытная по своему содержанію поздравительная рѣчь была переведена для Артемія Петровича съ латинскаго на русскій языкъ учителемъ латинскаго языка при семинаріи Невскаго монастыря Григоріемъ Николаевичемъ Тепловымъ. Чтобы сынъ Петя охотнѣе учился латинскому языку, Волынскій держалъ при немъ въ своемъ домѣ 15 лѣтняго пѣвчаго Каминскаго. «Каминскій съ тѣмъ его, Волынскаго, сыномъ учился въ домовой школѣ полатыни, а другого никакого служенія не имѣлъ».

Въ Петербургѣ дѣтямъ Волынскаго жилось пока хорошо. Здѣсь у ихъ отца уже былъ въ это время обширный и очень разнообразный кругъ знакомыхъ. По крайней мѣрѣ извѣстно, что у него бывали въ гостяхъ: Нарышкины, графы Головкины, Мусинъ-Пушкины, Салтыковы, князья Барятинскіе, Трубецкіе, Урусовы, Черкасскіе, Шаховскіе, Щербатовы, бароны Шафировы, академикъ Николай Делиль, извѣстный сатирикъ Антіохъ Кантемиръ, учитель Александро-Невской духовной семинаріи Г. Н. Тепловъ, секретарь Академіи Наукъ Василій Ададуровъ, архитекторы Балкъ и европейски образованный Петръ Михаиловичъ Еропкинъ, генералы Григорій Петровичъ Чернышевъ и Степанъ Лукичъ

Digitized by Google

Игнатьевъ, Федоръ Ивановичъ Соймоновъ; очень начитанный и всесторонне образованный совѣтникъ монетной конторы Андрей Ѳеодоровичъ Хрущевъ, который въ свою бытность при Петрѣ I заграницей «въ иностранныхъ языкахъ и въ механикѣ довольно обучился и имѣлъ въ томъ искусство», затѣмъ архіереи Псковскій Стефанъ и Вологодскій Амвросій. Изъ дамъ особенно были расположены къ Артемію Петровичу: жена генерала Чернышева Евдокія Ивановна, графиня Дарья Головкина и Анна Ягушинская, жена Александра Львовича Нарышкина, бывшая внучкой Петра Матвѣевича Апраксина. У дамъ Волынскій бывалъ больше послѣ обѣда, а иногда и по вечерамъ. Каждая изъ нихъ вела съ Волынскимъ свою политику. Чернышева была прямо влюблена въ Артемія Петровича, но «на придворныхъ балахъ бѣгала отъ него». Ея подруги, знавшія про ея интрижку съ вдовымъ Волынскимъ, иногда въ шутку спрашивали у нея, зачѣмъ она во дворцѣ на балахъ «бѣгаетъ отъ Волынскаго». Чернышева въ такихъ случаяхъ обычно отвѣчала: «Что мнѣ во дворцѣ съ нимъ говорить? Онъ вѣдаетъ, что я его и безъ того люблю».

Очень веселымъ для дочерей Волынскаго, но необыкновенно дорогимъ для ихъ отца днемъ былъ день свадьбы принцессы Анны Леопольдовны. 3 іюля 1739 г., во вторникъ, было очень ясно и тепло. Этого числа племянница Анны Ивановны повѣнчалась съ маіоромъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Антономъ-Ульрихомъ, принцемъ Брауншвейгъ-Люнебургскимъ, въ церкви Рождества Пресвятой Богородицы, что нынѣ Казанскій соборъ. По желанію императрицы эта «извѣстная церемо-

Digitized by Google

нія» была обставлена чрезмѣрной роскошью. «Весь Семеновскій полкъ въ собраніи былъ. Палили по патрону». Всѣ присутствовавшіе на свадьбѣ и затѣмъ на балу, въ томъ числѣ и Волынскій съ своими дочерьми, принуждены были быть во всеоружіи богатаго блеска и роскошнаго убранства. Вспоминая это баснословно по своей роскоши сказочное семейное торжество окруженной иноземцами русской царицы, Артемій Петровичъ говорилъ: «ради этой свадьбы я былъ принужденъ и своихъ дѣтей, и себя убирать, экипажъ собирать, ливрею дѣлать и прочее, на что не только все годовое мое жалованье употребилъ, но и долгу еще прибавилъ, и такъ цѣлый годъ съ того живу, у кого что займу».

Столь любопытное признаніе Волынскаго подтверждается сохранившимся въ архивныхъ документахъ подлиннымъ счетомъ его расходамъ для этой свадьбы. По этому счету Волынскій уплатилъ: Ферману 2800 р. за парчу и позументы для ливрей, Гроссу 1400 р. за парчу и матерію на платье дѣтямъ, Рихтеру 100 р. за свое платье и за сукна для ливреи, Либману 2190 р. за карету и пр., портному герцога Бирона 500 р. за платье дѣтямъ, портному Нейману 170 р., портному принцессы Анны Леопольдовны 160 р., золотарямъ Гравро за перстни 200 р. и Дункелю 150 р., комисару Фирсову за разныя вещи 230 руб., англичанину Акѣ за мебель болѣе 800 руб., а всего, считая и данные Артеміемъ Петровичемъ своей старшей дочери на мелкіе расходы 100 руб., имъ израсходовано на нынѣшнія деньги 97.000 руб. Для облегченія матеріальнаго положенія Волын-

Digitized by Google

скаго Анна Ивановна въ мартѣ 1740 г., по случаю заключенія Бѣлградскаго мира съ Турціей, подарила ему 20.000 руб., но за издержками на означенную свадьбу онъ и этой «великой суммой не оплатилъ всѣхъ долговъ своихъ». Сумма была дѣйствительно довольно кругленькая: на нынѣшнія деньги 200.000 руб.

Анна Ивановна любила сорить казенными деньгами на свадьбахъ настоящихъ, но она не жалѣла ихъ и на свадьбахъ шутовскихъ. Послѣднія устраивались исключительно для ея развлеченія. Въ этихъ странныхъ свадьбахъ ей особенно нравилось издѣваться надъ недалекими по уму отпрысками русскихъ знатныхъ фамилій кн. Никитою Волконскимъ и кн. Михаиломъ Алексѣевичемъ Голицынымъ, зачисленными въ ея придворные шуты. Въ сентябрѣ 1734 г. она изъ Петербурга писала въ Москву къ Семену Андреевичу Салтыкову: «здѣсь играючи женила я князь Никиту Волконскаго на Голицыномъ и при семъ прилагается его письмо къ человѣку его, въ которомъ написано, что онъ женился въ правду, и ты оное сошли къ нему въ домъ стороною, чтобъ тотъ человѣкъ не дознался, и о томъ ему ничего сказывать не вели, а отдать такъ, что будто то письмо прямо отъ него писано, да вели кому-нибудь искусно присмотрѣть, будутъ ли его люди такъ пить, какъ въ письмѣ написано». Въ этой свадьбѣ внукъ князя Василія Васильевича Голицына кн. Михаилъ Алексѣевичъ, по прозванію Квасникъ, игралъ роль невѣсты, а въ Среду 6 февраля 1740 г. царица предоставила ему роль жениха, выдавъ за него замужъ одну изъ своихъ шутихъ и продержавъ этихъ молодыхъ цѣлую ночь.

Digitized by Google

въ ледяномъ домѣ. Эта свадьба, устроенная по приказанію царицы А. П. Волынскимъ, обошлась казнѣ до 30.000 руб. «На нее были выписаны лапландцы, самоѣды, калмыки и другіе инородцы. Всѣ они въ маскарадномъ платьѣ, въ поѣздѣ изъ 200 лицъ, предшествовали или слѣдовали за молодыми, которые сидѣли въ клѣткѣ на слонѣ. Одни ѣхали въ телѣгахъ на волахъ и верблюдахъ, другіе въ одноколкахъ на кабанахъ, свиньяхъ, козахъ, собакахъ и оленяхъ. Свадебный ужинъ для всѣхъ поѣзжанъ былъ приготовленъ въ манежѣ Бирона. Новобрачные сидѣли за отдѣльными столами съ ихъ посажеными отцами и матерями. Послѣ ужина былъ балъ, на которомъ каждое племя танцовало отдѣльно. Потомъ молодыхъ повели въ ледяной домъ, построенный около дворца еще въ декабрѣ 1739 г. Въ немъ была передняя, налѣво спальня, въ которой постель, занавѣсы, туалетъ, туфли и чепцы молодыхъ были также изъ льда; направо — пріемная комната съ ледяными столомъ, стульями, шкафами, стѣнными часами и картами. Молодыхъ положили и оставили тамъ до 8 часовъ утра».

Устраивая въ февралѣ 1740 г. шутовскую свадьбу въ ледяномъ домѣ для развлеченія Анны Ивановны, Волынскій и не подозрѣвалъ, что уже въ это время самъ онъ ходилъ чуть-ли не по закраинамъ эшафота. Дѣло въ томъ, что Волынскій отнюдь не желалъ быть орудіемъ Бирона въ его, герцогской, борьбѣ съ Остерманомъ. Ставъ кабинетъ-министромъ, Артемій Петровичъ возымѣлъ намѣреніе не только Остермана, но и Бирона съ прочими иноземцами при русскомъ дворѣ убрать изъ Россіи съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи, «когда фами-

Digitized by Google

лія ея императорскаго величества пресѣчется, могли его дѣти или внучата, или правнучата россійскаго престола пріемниками быть».

Извѣстно, что русскій престолъ былъ предметомъ самыхъ сильныхъ вожделѣній со стороны князей А. Д. Меншикова и затѣмъ А. Г. Долгорукова: каждый изъ нихъ страстно желалъ упрочить за своимъ потомствомъ право на царскій престолъ и корону чрезъ замужество своей дочери съ Петромъ II. Изъ этихъ двухъ царскихъ невѣстъ княжна Екатерина Алексѣевна Долгорукова за свою близость къ царю-жениху поплатилась такъ дорого, что императрица Анна Ивановна прозвала ее предъ ссылкой въ Сибирь «разрушенной» царской невѣстой, какъ бы забывая при этомъ, что и ея родная сестра Прасковья Ивановна съ 1724 г. пребывала тоже въ разрушенномъ состояніи изъ-за своей близости къ маіору гвардіи Мамонову-Дмитріеву. Подсмѣиваясь надъ княжной Долгоруковой, Анна Ивановна отнюдь не старалась блюсти себя въ своемъ вдовствѣ: отъ Бирона у нея было два сына—Петръ и Карлъ. Еще въ декабрѣ 1737 г. прусскій посланникъ при русскомъ дворѣ Мардефельдъ отъ имени своего короля намекалъ Бирону на возведеніе имъ своего герцогскаго потомства на русскій престолъ чрезъ женитьбу своего сына Петра на принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ, которую Анна Ивановна считала своей наслѣдницей. Неизвѣстно, по подсказкѣ-ли короля Прусскаго, или же по собственному почину, но только Биронъ серьезно подумывалъ женить своего Петра на Аннѣ Леопольдовнѣ и выдать свою горбатую дочь Ядвигу замужъ за принца Брауншвейгъ-Люнебургскаго Ан-

Digitized by Google

тона-Ульриха. Послѣдній, говорятъ, такъ испугался этихъ замысловъ Бирона, что пообѣщалъ ему выдать одну изъ своихъ сестеръ замужъ за его сына Петра съ тѣмъ, чтобъ самому жениться только на Аннѣ Леопольдовнѣ. Въ своемъ намѣреніи женить своего Петра на Аннѣ Леопольдовнѣ Биронъ былъ поддержанъ самой императрицей Анной Ивановной.

«Ея Величество», говоритъ Волынскій, «изволила представить ея высочеству государынѣ принцессѣ обоихъ принцевъ: Бирона и Брауншвейгскаго, и ея высочество государыня принцесса изволила отрещися отъ принца Петра и, отрицаяся отъ того, изволила ея высочество предъ ея императорскимъ величествомъ плакать». Анна Леопольдовна плакала потому, что боялась вредныхъ для себя послѣдствій отъ такого своего отказа. Вѣдь Анна Ивановна, по словамъ Волынскаго, «была милостива къ принцу Петру Бирону и болѣе къ нему благоволила, нежели къ принцу Брауншвейгскому». Свое предпочтеніе принца Брауншвейгскаго принцу Петру Бирону Анна Леопольдовна объясняла тѣмъ, что первый былъ «въ совершенныхъ лѣтахъ и стараго дома» Конечно, такую рѣшимость къ отказу навѣяли молодой принцессѣ тайные враги Бирона, напримѣръ Остерманъ, Волынскій и другіе. Хоть Волынскій и говоритъ, что «такого брака Остерманъ не допустилъ», однако и самъ онъ, даря Аннѣ Леопольдовнѣ прекрасныхъ верховыхъ лошадей съ богатыми сѣдлами, при случаѣ старался деликатно внушать принцессѣ преимущества Антона Брауншвейгскаго предъ Петромъ Бирономъ, своимъ же близкимъ знакомымъ онъ про замыслы Бирона такъ

Digitized by Google

отзывался: «Съ женитьбой Петра Биронъ еще не такъ бы прибралъ насъ въ свои руки, а съ нимъ усилились бы иноземцы болѣе, нежели русскіе, и чрезъ то владычествовали бы надъ русскими, и русскіе бы въ покореніи у нихъ, иноземцевъ, были и могли-бы податьми отягощены быть, а они, иноземцы, только казну стали бы вывозить, и государство въ нищету могло бы придти. Вотъ насъ ведетъ Богъ къ какому-нибудь концу».

Отзываясь такъ о Биронѣ, Волынскій всячески старался угождать принцессѣ Аннѣ Леопольдовнѣ. Лѣтомъ 1739 г. онъ въ Петергофѣ очень часто навѣщалъ ее. Биронъ уже давно «имѣлъ суспицію на Волынскаго» за его хожденіе къ ней. Узнавъ, что Артемій Петровичъ противодѣйствовалъ его планамъ на счетъ женитьбы принца Петра, герцогъ заявилъ Аннѣ Ивановнѣ: «или мнѣ, или Волынскому быть при дворѣ вашего величества». Выбора здѣсь, конечно, не могло быть, и 4 апрѣля 1740 г., въ пятницу на страстной недѣлѣ, заплечныхъ дѣлъ мастеръ генералъ-маіоръ Андрей Ивановичъ Ушаковъ «объявилъ Волынскому не ѣздить ко двору ея величества». Это объявленіе страшно поразило Волынскаго, и онъ немедленно поѣхалъ къ Бирону, у котораго болѣе 2 часовъ простоялъ «въ переднихъ аппартаментахъ, но Биронъ до себя не допустилъ» Артемія Петровича.

Вѣсть объ опалѣ кабинетъ-министра Волынскаго быстро разнеслась по Петербургу... Пошли самые разнорѣчивые слухи о причинахъ этой опалы. Говорили, что Волынскій пострадалъ то за свои сочиненія и проекты о внутреннемъ государственномъ управленіи, то за свои разногласія съ Биро-

Digitized by Google

номъ по польско-курляндскимъ дѣламъ, то за свои рѣзкіе отзывы объ Аннѣ Ивановнѣ и Биронѣ... Старались молчать лишь о главной причинѣ паденія Артемія Петровича, пострадавшаго преимущественно за свое противодѣйствіе намѣренію Бирона предоставить русскій престолъ своему потомству... Люди болтливые и съ пылкой фантазіей, напримѣръ дворцовый архитекторъ Ив. Бланкъ и дворцовый садовый подмастерье Ив. Сурминъ разговаривали другъ съ другомъ о паденіи Волынскаго такъ:

Сурминъ: «Биронъ, гнѣваясь на Артемія Волынскаго, за шпагу свою изволилъ приниматься, а у Волынскаго своя шпага остра».

Бланкъ: «Это несчастіе дѣлаетъ не государыня, а Биронъ».

Сурминъ: «Когда Биронъ кабинетъ - министра сшибетъ, то уже и прочимъ какъ стоять».

Бланкъ: «Ежели-бы не фамилія и не дѣти его, Волынскаго, то онъ, Волынскій, могъ бы заколоть Бирона».

Назначенная Анной Ивановной слѣдственная о Волынскомъ коммиссія все свела къ тому, что «Волынскій по самозванническому своему къ высочайшей ея императорскаго величества фамиліи причитанію высочайшую власть взять на себя и чрезъ возмущеніе сдѣлать себя государемъ хотѣлъ». Во всѣхъ своихъ показаніяхъ предъ этой коммиссіей Волынскій рѣшительно заявлялъ, что «такого злого своего намѣренія и умысла, чтобъ себя чрезъ что-нибудь сдѣлать государемъ, никогда онъ не имѣлъ и не имѣетъ и никому о такомъ зломъ намѣреніи никогда ни подъ какимъ видомъ онъ не сказывалъ и ни чрезъ что не сообщалъ, и сказы-

Digitized by Google

вать, и сообщать ему о томъ было не можно, что въ мысли своей такого злого намѣренія не имѣлъ».

Несмотря на это заявленіе Волынскаго генеральное собраніе послѣ довольно пристрастнаго и односторонняго слѣдствія и суда надъ нимъ 20 іюня вынесло такой приговоръ: Волынскаго посадить живымъ на колъ, вырѣзавъ у него языкъ. Анна Ивановна признала такую казнь очень жестокою и, «милосердуя по обыкновенному своему императорскому великодушію», 23-го іюня указала: «Артемію Волынскому, вырѣзавъ у него языкъ, отсѣчь правую руку и голову». 26 іюня Андрей Ивановичъ Ушаковъ послалъ къ Бирону въ Петергофъ съ нарочнымъ слѣдующее письмо: «Свѣтлѣйшій Герцогъ, Премилостивѣйшій Государь! Вашей высококняжеской свѣтлости, премилостивѣйшему государю, пріемлю смѣлость всепокорно донесть, что извѣстная экзекуція имѣетъ быть учинена сего іюня 27 дня пополуночи въ 8 часу.

«Того и вашу высококняжескую свѣтлость, премилостивѣйшаго государя, всепокорнѣйше прошу, не соизволите-ль объ ономъ донесть ея императорскому величеству всемилостивѣйшей государынѣ.

«Вашей высококняжеской свѣтлости, премилостивѣйшаго государя, всепокорный слуга генералъ Ушаковъ».

Донесъ-ли Биронъ Аннѣ Ивановнѣ о предстоявшей экзекуціи, неизвѣстно. Изъ архивныхъ документовъ видно, что императрица въ день казни Волынскаго «стрѣляла зайцевъ и русаковъ».

27 іюня 1740 г., въ день Полтавской побѣды русскихъ надъ шведами, въ которой храбро сра-

Digitized by Google

жался и Волынскій, ему въ тюрьмѣ Петропавловской крѣпости вырѣзали языкъ и, «закрывъ ротъ перевязкою отъ подбородка къ головѣ, чтобы помѣшать кровотеченію», вывели изъ крѣпости на Сытный рынокъ, гдѣ на эшафотѣ «въ присутствіи генералъ-маіора А. И. Ушакова и тайнаго совѣтника И. И. Неплюева, при обыкновенной публикѣ», по прочтеніи высочайшаго указа ассесоромъ Хрущевымъ, отсѣкли несчастному кабинетъ-министру правую руку и голову, затѣмъ «послѣ экзекуціи черезъ часъ его мертвое тѣло отвезли на Выборгскую сторону и по отправленіи надъ онымъ надлежащаго священнослуженія погребли при церкви преподобнаго Сампсона Страннопріимца».

Такова судьба одного изъ славныхъ птенцовъ «гнѣзда Петрова»... Погибъ русскій воинъ не отъ пули или меча въ бояхъ подъ Лѣснымъ, Полтавой и Прутомъ, а отъ топора палача по злобѣ иноземца-временщика, наполовину уже сидѣвшаго на русскомъ императорскомъ престолѣ...

Въ казни Волынскаго есть что-то символическое... Волынскій, дѣльно и краснорѣчиво *говорившій*, лишился *языка*; логично и ясно *писавшій*, остался безъ *правой руки*; много *думавшій* о всестороннихъ нуждахъ государственныхъ, сложилъ *голову* на плахѣ...

Странно, что Волынскій 25 іюня пригласилъ къ себѣ въ тюрьму А. И. Ушакова съ И. И. Неплюевымъ и чрезъ нихъ просилъ ея величество «не оставить въ награжденіи дѣтей его». Вѣдь эти злосчастныя дѣти были для Бирона и Анны Ивановны еще большимъ пугаломъ, чѣмъ ихъ отецъ: если не сами они, то ихъ дѣти и внучата могли

Digitized by Google

бы быть, по мнѣнію Артемія Петровича, «пріемниками престола». Стирая самого Волынскаго съ лица земли, Анна Ивановна хоть и оставила въ живыхъ его дѣтей, но обошлась съ ними жестоко: вмѣсто скорой смерти физической она принудила ихъ умирать медленной смертью гражданской. Еще 23 іюня императрица, проживая на своей роскошной дачѣ въ Петергофѣ, указала: «дѣтей Волынскаго сослать въ Сибирь въ дальнія мѣста: дочерей въ разные тамъ приличные монастыри постричь, которыхъ тѣхъ монастырей настоятельницамъ имѣть подъ наикрѣпчайшимъ присмотромъ и никуда ихъ изъ тѣхъ монастырей не выпускать, а сына въ отдаленное же въ Сибири мѣсто отдать подъ присмотръ того мѣста командиру, опредѣля имъ пропитаніе по разсужденію генеральнаго собранія, изъ которыхъ сыну онаго Волынскаго производить до 15 лѣтъ возраста его, а потомъ написать его въ солдаты вѣчно и опредѣлить въ Камчатку».

Этотъ указъ былъ исполненъ въ точности. 30 іюня, въ 12 часу дня, дѣти Волынскаго, каждое порознь, въ особыхъ коляскахъ были отправлены изъ Петербурга въ Сибирь. Старшая его дочь, 17 лѣтняя Анна — въ Якутскій Спасскій дѣвичій монастырь подъ карауломъ курьера лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Льва Чернышева, но здѣсь вышло маленькое недоразумѣніе: по справкѣ въ канцеляріи Св. Синода оказалось, что «въ Якутскѣ дѣвичьяго монастыря не имѣется, а хотя монахини въ Якутскѣ и есть, всего только 4, и тѣ въ самыхъ престарѣлыхъ лѣтахъ и живутъ при Спасскомъ мужскомъ монастырѣ за оградою». Благоразумно называя престарѣлыми этихъ присосѣдив-

Digitized by Google

шихся къ мужскому монастырю монахинь, синодальная канцелярія сообщила тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи, что «въ Сибири имѣется дальній же дѣвичъ монастырь при городѣ Иркутскѣ Знаменскій». По приказу тайной канцеляріи курьеръ Чернышевъ 26 ноября 1740 г. привезъ Анну Артемьевну въ этотъ монастырь, гдѣ этого же числа въ его присутствіи ее и постригли въ монахини подъ именемъ «Анисіи».

Младшая дочь Волынскаго 15 лѣтняя Марія была отправлена подъ карауломъ курьера того же полка Сергѣя Арсеньева въ Енисейскій Рождественскій дѣвичій монастырь; лишь въ началѣ сентября она прибыла въ Тобольскъ, откуда 12 числа выѣхала въ Енисейскъ; 1 ноября она была уже въ Енисейскѣ, гдѣ 3 числа іеромонахъ мѣстнаго Спасскаго монастыря Гавріилъ постригъ ее въ присутствіи курьера въ монахини подъ именемъ «Маріяміи» (Маріами). Обѣимъ дочерямъ Волынскаго, при отправленіи ихъ изъ Петербурга, было дано «по одной вдовой бабѣ для ихъ храненія»; этихъ бабъ, по прибытіи ссыльныхъ Волынскихъ на мѣсто, курьеры «отлучили и дали имъ свободу жить въ Сибири, не допуская въ Москву»; на содержаніе въ пути каждой ссыльной и бабѣ при ней полагалось 10 коп. въ день.

Настоятельницамъ этихъ монастырей Синодъ чрезъ мѣстныхъ преосвященныхъ епископа Иркутскаго и Нерчинскаго Иннокентія и митрополита Тобольскаго и Сибирскаго Никодима приказалъ содержать молодыхъ монахинь Анисію и Маріамъ «подъ наикрѣпчайшимъ присмотромъ и никуда ихъ изъ тѣхъ монастырей отнюдь не выпускать и пи-

Digitized by Google

семъ писать не давать, и постороннихъ никого ни для какого сообщенія къ нимъ не допускать, и чтобъ никаковыхъ шалостей и непотребства отъ нихъ не происходило, а пищею и одеждою содержать ихъ по обыкновенію тѣхъ монастырей равномѣрно противъ прочихъ монахинь безъ всякой отмѣны».

Трудно представить себѣ ту угнетенность духа, которую переживали опальныя дочери Волынскаго, очутившись въ Сибирскихъ монастыряхъ невольными монахинями. Ласка нѣжно любящаго и такъ жестоко казненнаго отца смѣнилась для нихъ ворчаніемъ инокинь, которыя усердно клали поклоны по четкамъ, стараясь больше монашить, чѣмъ быть монахинями... Какая странная насмѣшка судьбы надъ злосчастными дочерьми Артемія Петровича!.. Онъ подобно Петру Великому не любилъ большинства современныхъ монаховъ. Царь называлъ монашество «гангреной», которая и въ Россіи «зѣло было распространяться начала подъ защищеньемъ единовластниковъ церковныхъ». Въ своемъ знаменитомъ именномъ указѣ Синоду въ январѣ 1724 г. онъ прямо говоритъ: «изъ монаховъ большая часть тунеядцы суть... Прилежатъ ли они разумѣнію божественнаго писанія и ученія? Всячески нѣтъ. А что говорятъ, молятся, то и всѣ молятся, и сію отговорку отвергаетъ Василій святой. Что же прибыль обществу отъ сего? Во истину токмо старая пословица: ни Богу, ни людямъ, понеже большая часть бѣгутъ отъ податей и отъ лѣности, дабы даромъ хлѣбъ ѣсть...» Таковъ былъ взглядъ царя на монаховъ... А между тѣмъ многіе изъ нихъ въ своихъ къ нему письмахъ и просьбахъ любили ве-

Digitized by Google

личать себя «дненощными и теплыми богомольцами...»

Волынскій также не считалъ современныхъ ему монаховъ стоящими на высотѣ своей задачи и многихъ изъ нихъ еще въ 1730 г. прямо называлъ «плутами-чернецами». Въ справедливости такого своего отзыва о чернецахъ онъ окончательно убѣдился въ 1738—1740 гг., когда вѣдалъ по кабинету назначеніе и увольненіе епископовъ... Не лучше «плутовъ-чернецовъ» были и черницы, превращавшія свои обители въ очаги ханжества, сплетенъ и разныхъ подвоховъ... Среди этихъ черницъ очутились и монахини Волынскія, принужденныя по волѣ императрицы и Бирона принять невольный постригъ и промѣнять свою полную тревогъ и волненій жизнь въ столицѣ на прозябаніе въ Сибирскихъ монастыряхъ — этихъ «узилищахъ церковныхъ». Неизвѣстно, какъ угасла бы жизнь молодыхъ подневольныхъ монахинь Волынскихъ... На ихъ счастье Анна Ивановна скончалась въ годъ ихъ ссылки, а скоро по ея смерти былъ низвергнутъ и Биронъ. Чрезъ мѣсяцъ по его низверженіи, именно 9 декабря 1740 г. великая княгиня Анна Леопольдовна, благоволившая къ Волынскому и его семейству, приказала начальнику тайной розыскныхъ дѣлъ канцеляріи генералу Ушакову отдать генералъ-рекетмейстеру Александру Фенину для разсмотрѣнія все слѣдственное дѣло о Волынскомъ. Это разсмотрѣніе оказалось очень благопріятнымъ для дѣтей Артемія Петровича. 31 января 1741 г. Высочайшимъ указомъ отъ имени малолѣтняго императора Ивана III было повелѣно генералу Ушакову слѣдующее: «Артемія Волынскаго двухъ до-

Digitized by Google

черей и сына изъ ссылки свободить, и ежели, паче чаянія, помянутаго Волынскаго дочери въ монашескій чинъ уже пострижены, то монашескій чинъ съ нихъ снять и отпустить ихъ всѣхъ троихъ изъ Сибири въ Москву, давъ имъ до Москвы ямскія подводы и прогонныя и кормовыя деньги надлежащее число, и о томъ изъ тайной канцеляріи, куда надлежитъ, послать указы».

По прибытіи въ Москву злосчастнымъ дѣтямъ Волынскаго негдѣ было бы поселиться: оба дома ихъ несчастнаго отца были вѣдь отданы въ контору Канцеляріи Конфискаціи для продажи. Въ виду этого 6 февраля 1741 г. графы Минихъ и вице-канцлеръ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ, будучи въ зимнемъ его величества домѣ, объявили генералу Ушакову, что великая княгиня Анна Леопольдовна именемъ своего сына-императора 6 февраля приказала «Артемія Волынскаго дѣтей, по свободѣ изъ ссылки, отпустить въ домъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника Александра Нарышкина». По этимъ повелѣніямъ тайная канцелярія 8 февраля 1741 г. отправила солдата лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Василія Булатова съ указами въ Иркутскую провинціальную канцелярію и въ г. Селенгинскъ къ коменданту Якобію объ освобожденіи ни въ чемъ неповинныхъ узниковъ. Уже 3 апрѣля 1741 г. въ присутствіи Булатова и при игумени Иркутскаго Знаменскаго монастыря Акилинѣ архимандритомъ Иркутскаго Вознесенскаго монастыря Корниліемъ съ монахини Анисіи монашескій чинъ снятъ, и велѣно ей по прежнему именоваться Анной, а 9 апрѣля и Петра

Digitized by Google

Волынскаго бригадиръ Якобій освободилъ изъ-подъ караула и передалъ его Василію Булатову.

Отъ Иркутска до Енисейска Булатову съ своими двумя освобожденными узниками пришлось плыть по рѣкѣ Ангарѣ «на казенномъ удобномъ суднѣ». Въ Енисейскъ всѣ они прибыли благополучно, и здѣсь 17 мая 1741 г. монахиня «Маріамь» іеромонахомъ Гавріиломъ «разстрижена и изъ Рожественскаго дѣвичья монастыря свобождена» подъ прежнимъ своимъ именемъ «Марія». Изъ Енисейска дѣти Волынскаго въ сопровожденіи Булатова отправились въ Томскъ, 28 іюля благополучно проѣхали Тобольскъ, а 5 декабря 1741 г. Булатовъ рапортомъ донесъ тайной канцеляріи, что «разстриженныхъ при немъ дочерей Волынскаго и сына Петра, всѣхъ забравъ, привезъ въ С.-Петербургъ и дѣйствительному тайному совѣтнику Нарышкину въ домъ отдалъ сохранно».

Обрадованныя такой милостью Анны Леопольдовны дѣти Волынскаго съ неописуемымъ восторгомъ возвращались на родину. При высокомъ подъемѣ своего душевнаго настроенія они на обратномъ пути уже не испытывали и матеріальныхъ лишеній: по приказу великой княгини каждому изъ нихъ ежедневно отпускалось на содержаніе уже не 10, а 50 коп. По счету Булатова весь ихъ проѣздъ и содержаніе обошлись казнѣ въ 735 р. 86 коп. Движимые чувствомъ благодарности, они сгорали отъ нетерпѣнія поскорѣе лицезрѣть свою милостивицу Анну Леопольдовну, но съ прибытіемъ въ Петербургъ имъ пришлось встрѣтить на престолѣ свою другую милостивицу троюродную сестру Елисавету Петровну. Послѣдняя еще 29 ноября 1741 г. по-

Digitized by Google

велѣла Сенату чрезъ принца Гессенгомбургскаго не продавать оставшихся за продажею въ аукціонѣ пожитковъ ихъ отца. Сенатъ 15 декабря этого же года приказалъ тайной канцеляріи немедленно подать ему вѣдомость о томъ, «сколько и гдѣ Артемія Волынскаго недвижимаго имѣнья отписано и сколько изъ онаго кому въ раздачѣ и что за раздачею осталось».

Получивъ отъ Сената необходимыя объ имуществѣ Волынскаго свѣдѣнія, Елизавета Петровна 8 января 1742 г. указала ему слѣдующее: «Господа Сенатъ! Артемія Волынскаго всѣ отписанные деревни и дворы, хотя-бъ которые изъ нихъ кому и розданы были, возвратя отъ оныхъ, по тому же и оставшіе за продажею пожитки его отдайте дѣтямъ его, Волынскаго, по прежнему въ вѣчное и потомственное владѣніе». На слѣдующій день Сенатъ приказалъ Тайной Канцеляріи «учинить по сему указу». По распоряженію тайной канцеляріи, коммиссія, разбиравшая и описывавшая разные документы и письма Артемія Петровича, 24 января 1742 г. выдала его дѣтямъ «всѣ крѣпостные акты и другія относящіяся къ недвижимости бумаги». 19 февраля 1742 же года Елизавета Петровна указала Сенату распорядиться объ уплатѣ 3000 руб. дѣтямъ Волынскаго за ихъ домъ съ большимъ дворомъ на Фонтанкѣ у Обухова моста, взятый при Аннѣ Ивановнѣ подъ придворную псовую охоту. Повѣреннымъ по дѣламъ дѣтей Волынскаго былъ назначенъ С.-Петербургскій оберъ-комендантъ генералъ-лейтенантъ Степанъ Лукичъ Игнатьевъ. По его приказанію служитель ихъ Петръ Кафлинъ 17 марта 1742 г. подалъ въ Конюшенную канце-

Digitized by Google

лярію на Высочайшее имя прошеніе о возвратѣ его «господамъ» всего имѣнія, которое за злосчастной смертью ихъ отца поступило въ Конюшенное вѣдомство. По этому прошенію Конюшенная Канцелярія постановила возвратить дѣтямъ Волынскаго всѣхъ лошадей, взятыхъ съ его конскихъ заводовъ частью на дворцовые и казенные военные конскіе заводы, частью на конскіе заводы разныхъ крупныхъ чиновниковъ.

Благодаря Елизаветѣ Петровнѣ, матеріальное положеніе дѣтей Волынскаго было вполнѣ обезпечено, но она свои заботы объ этихъ невинныхъ страдальцахъ простерла еще далѣе: выдавъ дочерей Волынскаго замужъ за своихъ родственниковъ— Анну Артемьевну за своего двоюроднаго брата камеръ-юнкера гр. Андрея Симоновича Гендрикова, Марію Артемьевну за своего родственника камеръ-юнкера гр. Ивана Иларіоновича Воронцова, Елизавета Петровна первую изъ нихъ пожаловала въ свои статсъ-дамы, а ихъ болѣзненнаго брата Петра желала опредѣлить на государственную службу, но онъ по слабости своего здоровья отказался служить. Ссылка въ Сибирь пагубно отразилась на Петѣ Волынскомъ, умершемъ шестнадцатилѣтнимъ юношей 25 ноября 1743 г., и на его старшей сестрѣ Аннѣ Артемьевнѣ, умершей бездѣтною 19 августа 1744 г. Отличавшаяся крѣпкимъ здоровьемъ Марья Артемьевна мужественно перенесла ссылку и смерть своихъ родныхъ: она скончалась въ преклонномъ возрастѣ—на 68 году, оставивъ послѣ себя потомство, виднымъ представителемъ котораго является родъ гр. Воронцовыхъ-Дашковыхъ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

Зезюлинскій. Историческое изслѣдованіе о коннозаводскомъ дѣлѣ въ Россіи. Выпускъ 1—3. С.-Петербургъ. 1889 и 1893 гг. Цѣна **6** руб.

Цѣна 30 коп.

29 247S BR5 06/96 53-0

Digitized by Google

Digitized by Google

Digitized by Google

3 6105 017 342 911

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES
CECIL H. GREEN LIBRARY
STANFORD, CALIFORNIA 94305-6004
(415) 723-1493

All books may be recalled after 7 days

DATE DUE

Digitized by Google

Digitized by Google